

О. С. Данилова
ЖЮЛЬ ЛЕГРА: ГЕНОМ РУССКОЙ ДУШИ*

УДК 930(44)

ББК 72.61 (4Фра)

В статье анализируются основные работы французского русиста Жюль Легра о России и русских (преимущественно о двух сословиях — буржуазии и крестьянстве, за которыми, по его мнению, будущее страны) и общественная реакция на них, а также его книга «Русская душа» (1934), которая стала своеобразным подведением итогов предыдущих изысканий. В ней автор приводит таблицу основных свойств и особенностей русского характера и называет пять фундаментальных причин, которые их формируют (географическое положение, воздействие иностранной культуры, низкий уровень культуры, юность народа и молодость нации). Отдельно он выделяет качества, прямую причину которых сложно выявить. В своих работах Легра использовал этнографический, психологический, лингвистический, культурно-исторический подходы. Его взгляд на российскую действительность объективен, суждения и выводы взвешенны, поэтому его авторская модель восприятия России, по которой Франция начала XX в. судила о ней, и формирующие историческую память французского народа образы «русского» интересны исследователям.

Ключевые слова: *«образ другого», русская душа, имагология, историческая память, нравы, национальный характер, русский народ, Франция, Россия, Легра*

Имя французского профессора и путешественника Жюль Легра (1866–1939) становится все более известным среди российских исследователей¹ и переводчиков.² Правда советские литературоведы считали, что он, в отличие от других русистов своего поколения, не дал науке солидных монографий, поскольку Легра больше «занимался беллетристическими зарисовками “русских нравов” и философскими анализами “русской души»».³ Книги Легра о России демонстрируют главный принцип ав-

тора, согласно которому понимание русской души — ключ ко всему: к истории страны, литературе, политике, исходу революций и даже далекому ее будущему. Такой подход во времена, когда исследование образа «другого» как научная дисциплина (направление сравнительного литературоведения) не существовало, особенно интересен. В своих изысканиях Легра использовал всевозможные подходы: этнографический, психологический, лингвистический, культурно-исторический.⁴ Его исследования образа «чужого», описания русского характера и нравов до сих пор подкупают безусловной правдивостью. Трезвый взгляд на российскую действительность, взвешенные суждения и объективные выводы — те основания, которые объясняют, почему его авторская модель восприятия России, по которой Франция тех лет судила о ней, и его образы «русского», составляющие историческую память французского народа, привлекают сегодня внимание историков.⁵

Уже в заключении своей первой книги «В русской стране» (1895) Легра дает анализ русского характера, основанный на знании российской действительности, русского языка и на знакомстве с такими русскими людьми, как А. И. Гучков, П. Н. Милюков, Л. Н. Толстой,

¹ См.: Кладова В. П. Барнаул в книге Жюль Легра «По Сибири» // Барнаул. 1999. № 3/4. С. 165; Крупцева О. В. Французский профессор Жюль Легра о Томске конца XIX в. // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. 10. Томск, 2000. С. 7–9; Савельева Н. С. Чеховым среди берез. Впечатления француза о России конца прошлого века // Истина и Жизнь: ежемесячный христианский журнал. 2000. № 8. С. 31–35; Данилова О. С. Сибирские путешествия Жюль Легра сквозь призму полемики о колонизации конца XIX века // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 11. М., 2014. С. 72–93.

² См.: Легра Ж. В русской стране // Отечественные записки. 2007. № 5 (37). С. 191–196.

³ Берков П. Изучение русской литературы во Франции. Библиографические материалы // Литературное наследство. 1939. Т. 33/34. С. 753.

Данилова Ольга Сергеевна — к.и.н., ассоциированный исследователь лаборатории «Идентичности, культуры, территории» Университета Париж VII. E-mail: cerhlfaf@gmail.com

* Работа выполнена в рамках гранта для молодых исследователей Франко-российского центра гуманитарных и общественных наук в Москве. Автор благодарит Сергея Асланова за предоставленные материалы из библиотеки Института славяноведения в Париже

⁴ См.: Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 39. С. 9, 10.

⁵ См.: Мильчина В. А. Русофилы, русофобы и «реалисты»: Россия в восприятии французов // Отечественные записки. 2007. № 5 (37). С. 29–39.

А. П. Чехов, В. Г. Короленко.⁶ Автор сразу предупреждает читателя, что среди «русских» его интересуют лишь два сословия — буржуазия и крестьянство, за которыми будущее России. Простой народ и средний класс «представляют собой живые силы нации: кровь их покамест свежа, мозг бодр, энтузиазм не растрочен; вдобавок совсем скоро знания и деньги принадлежать будут им одним».⁷ Аристократы, слишком поработанные кастовым духом, и чиновники, которыми владеет дух слепой покорности или неизменной скрытности, ему не интересны.

Легра уверен: русский народ еще слишком молод, чтобы быть самим собой, ему надо дать время на то, чтобы он смог обрести свое лицо, примирить свои противоречивые стремления и достичь совершенного равновесия (причем двигаться вперед русским мешает ложный стыд, поскольку они не могут развиваться иначе, как только сравнивая себя с иностранцами и соревнуясь с ними). Истинное лицо России скрыто из-за превратностей истории и последствий отмены крепостного права, если речь идет о народе, и вследствие постоянной оглядки на иностранцев, как в случае с просвещенным обществом (интеллигенцией). Имея дело с русскими, никогда ничего не знаешь наверняка. Кто-то списывает это на богатство и многогранность славянской души, а кто-то — на двуличность. По мнению же Легра, это все потому, что русские — это совсем юный народ, чье становление не завершено.

Спустя десятилетия Легра, впрочем, все еще считал русский народ не повзрослевшим. В цикле публичных лекций в Сорбонне «Русское общество в начале XX века» (1930), где он, в частности, анализировал психологию каждой социальной группы, он говорил, что русский народ еще дитя. Слушатель тех лекций, журналист и социолог Петр Рысс на страницах выходившей в Париже эмигрантской газеты «Возрождение» писал: «К старым исследователям России, здесь — во Франции — усиленно насаждающим познание нашей родины, надо отнести профессора Жюля Легра... Он дает прекрасную характеристику русского народа: неустойчивое равновесие. И потому, когда русский человек начинает сомневаться, — все

для него рушится. Вот почему политическое потрясение и привело Россию в состояние материального и духовного разрушения. Больше всего это относится к крестьянству, темному, полуграмотному, зараженному социальными предрассудками. Но в том же состоянии находятся и другие классы населения. Русский народ еще “дитя”; он живет по преимуществу чувствами, которые не в силах победить разумом. Мечтания политические и социальные при отсутствии силы морального сопротивления и явились предпосылками переживаемой ныне трагедии. Если и есть разница между крестьянином центра, юга и Сибири, эта разница все же не столь велика, чтобы могла предотвратить катастрофу».⁸

В книге «В русской стране» Легра пояснил: «Русского простолюдина трудно понять, во-первых, потому что он очень хитер и недоверчив, а во-вторых, потому что он, пожалуй, далеко не всегда обладает теми душевными богатствами, какие ему приписывают... Душа мужика подобна плодородной, но не паханной степи, где полезные растения растут вперемешку с сорняками; вглядываясь в эту зеленую зыбь издали, отличить одно от другого невозможно... Интеллигенция также ускользает от нашего понимания. Слишком много в ней заимствовано у иностранцев, и эти заемные черты не только заслоняют врожденные качества, но и порождают непоследовательность, которую мы не способны правильно толковать... Чувства образованных русских остались преимущественно русскими, иными словами простыми и юными, а идеи, плод западного просвещения, обрели экзотический оттенок. Отсюда постоянный внутренний разлад, неверие в собственную цивилизацию, вечные метания между безыскусной природой и утонченными абстракциями».⁹

Справедливо подметил Легра и другие особенности русских. Так, они совершенно не дорожат временем. «У российских купцов есть пословица, превосходно характеризующая их нравы — нравы жадного паука, терпеливо подстерегающего добычу: “Дело не волк, в лес не убежит”. В этом выразился весь характер русского народа: и его терпеливость, и его хитрость, и его смирение».¹⁰ Когда речь идет о русских, то здесь прежде всего, и самое главное,

⁶ Подробнее об этом см.: Данилова О. С. Жюль Легра: новые штрихи к портрету (по материалам личного фонда) // Француз в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. М., 2013. С. 26–49.

⁷ Legras J. Au pays russe. Paris; Colin, 1904. P. 352.

⁸ Рысс П. Изучение России // Возрождение. 1930. Т. 5, № 1806 (13 мая). С. 2.

⁹ Legras J. Op. cit. P. 353, 354.

¹⁰ Ibid. P. 355.

ощущение незаконченности, что для француза подобно бабочке, которая только наполовину вылупилась из кокона. «Кажется, сам физический облик русских людей несет на себе печать незавершенности: черты расплывчаты, взгляд загадочен, туманен. Вся умственная и нравственная жизнь русского народа оставляет аналогичное впечатление вещи, которую не успели доделать». Русским свойствен шальной и безграничный энтузиазм. «Многочисленными делами, не имеющими отношения к основному их ремеслу, русские занимаются с величайшим энтузиазмом. Самые вздорные идеи, как и самые благородные начинания, вдохновляют их на отчаянные поступки, кажущиеся нам удивительными: стоит русским отрешиться от повседневной рутины, как они во всем доходят до крайности. При этом данный энтузиазм сродни лихорадке: он рождается мгновенно, из пустяка, и от подобного же пустяка угасает. Воодушевившись одним впечатлением, русские его тут же забывают и переходят во власть другого... вспышки нежных чувств, всепоглощающие увлечения внезапно сменяются полным забвением, беспричинным и безмерным равнодушием».¹¹

Русских отличает беспечность; забота о будущем им чужда — они живут здесь и сейчас. «Эта черта в материальной жизни приносит неприятности, зато в душевной — оборачивается тем, что называют фатализмом и смирением русского народа, а это, в сущности, не что иное как беспечность, которыми так восхищаются иностранцы. Прибавьте к этому апатию, естественно присущую русским из-за суровости климата, которая лишь усиливает ленивое нежелание что-то предусмотреть. Русские всегда идут по пути наименьшего сопротивления, экономя силы, вот почему пассивная покорность им ближе бунта». Есть, однако, и другая сторона неспособности думать о завтрашнем дне. «Люди расчетливые достигают, пожалуй, большего, но вперед идут не так быстро, как люди непредусмотрительные. Тот, кто бросается в бой, не надеясь извлечь из победы какой-то выгоды и не готовя себе вариант для отступления, наносит удары более сильные и меткие; именно так и поступают русские. Вот почему они ни в чем не знают удержу, поэтому им нет равных ни в добротности ни в самоуничтожении».¹²

В 1901–1902 гг. в популярном журнале «Ревю универсель» Легра публикует ряд статей о русских нравах и обычаях.¹³ Само название периодического издания придает им энциклопедический характер: перед нами универсальные обзоры с иллюстрациями обо всем, чем живет далекая, неизвестная и загадочная страна, которая вот уже несколько десятилетий является «сердечным союзником» Третьей республики, однако во французском обществе о ней до сих пор превратные или лживые представления.

В первую очередь у путешественника, прибывшего, например, из Варшавы в Москву, складывается ощущение, что он попал в «новый мир», в частности потому, что в пути ему не пришлось пересечь ни одного города, ни одной деревни — он сразу попал в сердце России. И первое, что бросается в глаза, — костюмы. Редко красочные, эти наряды, особенно в северной части страны, обычно мрачных цветов или блеклых тонов, нищенские и небрежные. Легра подробно описывает манеру русских одеваться по сезону, вводя в научный оборот такие слова, как «поддевка», «тулуп», «шуба», «сарафан». Особое внимание он уделяет прическе, которая в России уже сама по себе является знаком отличия социальных классов. Длина волос, манера укладки, причёсывания и бритья (купцы, которые расчесывают свои длинные пряди с любовью и заботой, или же крестьяне, использующие для этих целей лишь свою пятерню) не ускользают от внимания наблюдателя.

Из статьи французский читатель узнает все подробности одного дня из жизни русского человека, вплоть до его особенной манеры туалета (непрерывный поток текущей воды и всего лишь одно полотенце!): сначала русские моют руки, затем, не высушив их, намыливают лицо непосредственно руками, а не салфеткой, как французы, и смывают воду, после чего вытирают насухо лицо. После этой процедуры они спускаются в гостиную к самовару и едят белый хлеб с чаем. «Вместо того, чтобы резать хлеб как мы, от края внутрь, русские разрезают его от центра к краю, по принципу, как затачивают ветку дерева: эта черта позволяет узнать их за границей».¹⁴ Выпив за несколько минут несколько стаканов горячего

¹¹ Ibid. P. 356–357.

¹² Ibid. P. 357, 358.

¹³ Legras J. La Russie: mœurs et coutumes // Revue universelle. 1901. T. 1, № 38. P. 889–895; № 39. P. 916–920; Idem. Le pays russe // Revue universelle. 1902. T. 2, № 62. P. 254–261.

¹⁴ Legras J. La Russie: mœurs et coutumes. P. 890.

чая (кружки для чаепития используют только женщины), русский тут же (все потому, что в России не встают очень рано!) отправляется в контору, которая открывается с 9 часов. Там с утра и до 15–17 часов русский вновь пьет стаканами чай, один за другим. Эти стаканы с золотистым и дымящимся чаем — характерная черта русских контор.

Учитывая то, какое место в жизни французов занимает еда, Легра счел необходимым рассказать соотечественникам о том, как трапезничают русские. Между 15 и 18 часами большая часть просвещенного общества приступает к обеду из трех блюд. Нужно знать, что представляет собой русский обед, чтобы «понять и посочувствовать русским, которые сетуют на ничтожно малые порции в дорогих парижских ресторанах».¹⁵ Закуски пленили не одного иностранца, поэтому Легра подробно перечисляет их, чтобы показать все их разнообразие. Обязательная часть обеда — различные ликеры и, в особенности, водка. «Но если закуска — признак роскоши или, по меньшей мере, праздника, то водка — наоборот, в большинстве семей это неотъемлемая часть обеда и ужина, многие буржуа не возьмут в рот ложку супа, предварительно не опрокинув стаканчик водки, кроме того, есть огромное количество тех, для кого несколько стаканов водки — обязательный аперитив».¹⁶

После закусок верующие перед иконой, подвешенной в углу комнаты, несколько раз крестятся, а затем каждый занимает свое место за столом, чтобы приступить к первому блюду. Никогда в супе не увидите размокшего мякиша, русские предпочитают хрустящие гренки из черного хлеба. «Порции всегда чересчур щедрые, и так как русские едят очень быстро, большими глотками, почти не притрагиваясь к хлебу и не говоря ни слова, их тарелка вскоре оказывается пустой».¹⁷ Во Франции, где общение за столом имеет не меньшую значимость, чем сама пища, такие наблюдения автора («разговаривают мало, часто даже в семье за столом не говорят ничего») не могли вызвать восхищения. Из напитков на столе у русских чаще всего вода, вино же — роскошь, которую могут себе позволить только богачи. Средний класс довольствуется графином воды, вокруг которого сервируются стаканы: русские пьют только встав из-за стола, причем

они могут попить воды несколько раз из одного и того же стакана.

Около 18–19 часов вечера семья вновь собирается за столом, теперь уже вокруг самовара. Здесь разговаривают охотнее, чем за обедом, это для русских час веселья и начало второй половины дня, которая посвящена не работе, а хобби, чтению или удовольствиям. Самая распространенная форма развлечения — игра в карты. «Русские — заядлые картежники, по каким-то причинам у них репутация любителей алкоголя, однако еще больше они любят карты, причем в этом участвуют и женщины».¹⁸ Играют обычно в винт, причем играют дотемна, поэтому поздний ужин примерно в 22–23 часа дает игрокам новые силы, а тем, кто работает, позволяет продержаться до следующего дня, до времени обеда. В полночь, в час или два утра русские ложатся спать в нагретой комнате, поэтому достаточно только укрыться легким стеганым одеялом, ведь спят они, в отличие от крестьян, в ситцевых рубашках и кальсонах.

Иначе дело обстоит в деревне, где жизнь, по убеждению Легра, менее сложная. «Общее правило: русский крестьянин ест, когда может, и все, что он может себе раздобыть; пьет спиртные напитки всякий раз, когда у него есть возможность; работает, когда в этом есть необходимость, а все оставшееся время спит. Он спит неважно где, как и сколько времени; зимой, действительно, он спит дольше, чем летом; когда в любой сезон в работе перерыв и нечего выпить, он спит».¹⁹ Легра подробно описывает устройство избы, поясняя феномен и многофункциональность печи, знакомой французам по русским романам.

В связи с началом Первой мировой войны, которая для француза была не чем иным, как «противостоянием славянской и немецкой идеи», он публикует интересную статью в «Ревю де Бургонь»,²⁰ где сравнивает основных соперниц — Германию и Россию — с точки зрения психологии и делает прогноз развития событий, исходя из особенностей этих наций. Первая страна германисту по образованию была знакома давно: там он провел студенческие годы, написав «живую и остроумную книгу берлинских наблюдений»²¹ «Афины на Шпрее

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. P. 891, 892.

¹⁷ Ibid. P. 892.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Legras J. *Allemagne et Russie // La revue de Bourgogne*. 1914. Vol. 4. P. 321–330.

²¹ Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 116.

глазами беотийца» (1892), рассказывающую о быте и нравах немцев.²² Россия же для Юлия Антоновича Легра (как его называли на русский манер) уже успела стать с момента его первой поездки в 1892 г. второй родиной благодаря многочисленным длительным ежегодным путешествиям.²³

Если основная черта немцев — это любовь к порядку, то в России все совсем наоборот, объясняет Легра, там порядок отсутствует: русские не нуждаются ни в порядке, ни в дисциплине. «Чтобы понять характер русских, необходимо учитывать две их склонности. Первая толкает их к индивидуализму, вторая же побуждает их искать радость в объединении... Русский не ощущает себя ячейкой общества: затерянный в своей деревне в степи в полном уединении или живущий в деревянных домах, сосредоточенных в лесу на севере, он, разумеется, считает себя центром всего, одиночкой, к которому все сводится. Это индивидуализм. Но подобная физическая и моральная изолированность была бы совсем печальной, если бы не была уравновешена двумя мощными инстинктами: первый — это склонность к религии и мистике, столь сильная в русских душах; второй — способность жизни обществом. Русские, столь привычные к моральному одиночеству, испытывают лишь еще большее удовольствие, когда объединяются, дабы разделить горести и радости, выпивку, трапезу или работу. В действительности же эти индивидуалисты — самый легкий на объединение народ. Сколько бы они ни объединялись, ни братались и ни разделяли чувства друг друга, они, по крайней мере, вне рамок этого естественного объединения сохраняют свою индивидуальность. Таким образом, их группирование не имеет ничего общего со всеорганизованностью. Так объясняется кажущийся контраст русского народа, чьи представители, принужденные или привлеченные к столь дорогому им индивидуализму, одновременно, пожалуй, самые открытые, общительные и гостеприимные в мире».²⁴

Кроме того, Легра говорит о полной моральной и социальной свободе, которой пользуются в России, о лениности и пассивности рус-

ской души, которая скорее человеколюбивая и добрая. На примере артели как добровольного и свободного объединения людей для работы, что для француза вещь диаметрально противоположная немецкой организованности, он показывает бургундскому читателю, как, исходя из разных по своей сути концепций народного единения, можно получить похожий или даже лучший результат. «Замените этот материальный интерес на более высокую концепцию, и, допустим, вместо того, чтобы воодушевиться потребностью, русские возбудятся идеей; чем дороже эта идея им будет, чем благороднее и глубже, тем с большей готовностью они принесут ей в жертву свою индивидуальность. И если идея является самой высокой из всех... если это идея отечества, то мы получим не бесформенную массу, состоящую из индивидуалистических единиц, равнодушных и пассивных в своей разобщенности, а полный отказ от самих себя, самый щедрый порыв, тотальное забвение личных чувств, отныне встроенных и перешедших в возвышенную идею, которая объединяет все сердца. Именно поэтому русские такие храбрые солдаты, поэтому они столь легко принимают военное командование, и потому все они готовы пожертвовать своей жизнью с улыбкой и спокойствием».²⁵

Завершая свои психологические наблюдения, Легра дополняет их рассуждениями о доктринах пангерманизма и панславизма, о которых в связи с войной заговорили во французской прессе с новой силой. Знаток немецкой и русской наций и идеологий без колебаний и, естественно, не без политических на то причин делает выбор в пользу второй. «Между двумя формами амбиций выбор делается быстро. Не сомневаемся ни на мгновение, что его очевидность публично подтвердится победой, а прусский пангерманизм с силой рухнет, как того и заслуживает».²⁶

В 1925 г. в журнале «Монд слав» Легра совместно с эмигранткой С. Н. Горбовой (урожденной Масловой, 1863–1949), супругой педагога, публициста и переводчика Н. М. Горбова, автором рассказов для детей, публикует статью «Почему Россия нравится русским»,²⁷ в которой они пишут: «Известно, что после большевистской революции множество французов

²² Luc G. L'Athènes de la Sprée par un Béotien. Croquis berlinois. Paris, 1892.

²³ Archives nationales, Paris (AN). F/17/2983/A. Ministère de l'Instruction publique. Missions scientifiques et littéraires en Russie. Dossiers individuels. Jules Legras, agrégé de l'Université; AN. F/17/24516. Ministère de l'Instruction publique. Collège de France. Dossier de carrière de Jules Legras.

²⁴ Legras J. Allemagne et Russie. P. 323–325.

²⁵ Ibid. P. 327.

²⁶ Ibid. P. 330.

²⁷ Legras J. Par quoi la Russie plaisait aux Français. La vue russe, la vue française // Le monde slave. 1925. Août. № 8. P. 225–253.

и французов сожалеют об этой стране не меньше, чем эмигранты. Нам показалось интересным найти некоторые причины, объясняющие привлекательность русской страны для нас». Вслед за Софьей Николаевной Горбовой Легра в своей части работы анализирует те черты русских, которые производили на его соотечественников (причем в этом случае Легра вел речь только об интеллектуалах) столь удивительное и сильное впечатление; в чем-то его точка зрения совпадала с видением Н. М. Горбовой, где-то он пытался прояснить описанный ею феномен, но уже с позиций иностранца: «Прежде всего, они увидели там новую страну, страну, где почти нигде не применимы западноевропейские категории... В первую очередь, русские очаровали их своей естественностью. До встречи с ними они себе даже не представляли, что простота может доходить до такой степени... Также они были уверены, что открыли русскую веселость. Но настолько ли весел русский народ? Я сомневаюсь в этом и не могу присоединиться к мнению мадам Горбовой, ведь веселость — это признак только того народа, который достиг социального и морального равновесия, однако Россия еще не нашла этого баланса... Обычаи русских интересуют их не меньше. Прежде всего, культ, дающий эту парадоксальную картину: с одной стороны, ни один народ не кажется более терпимым в вопросах религиозной практики, а часто даже безразличным к требованиям христианской религии, и в то же время ни один народ не кажется столь горделивым и самым строгим в следовании православным обрядам. Этот торжественно-восточный культ сильно поражает воображение... Повсюду здесь иностранец встречает чувство комфорта, этого чарующего и пленительного уюта... Для иностранцев два изъяна главным образом характеризуют российскую действительность — пьянство и обман... Русская лож проявляется так же мило и безобидно, как и вранье французских южан. Но эта одинаково невинная лож имеет в России другие основания: она представляет собой высшую степень нехватки определенности и ясности, которая присуща русскому рассудку и воспитанию. Этот народ, как, впрочем, и десятки других, в языке которых предпочитают такие приблизительные выражения, как *ничего* (ни да, ни нет), *как-нибудь* (на один или другой манер), не может представить себе идею, факт, сведение, утверждение в строгой

и безапелляционной форме, которая придает им языками Западной Европы... Добавим, что русские — это люди настоящего момента, они живут по принципу “здесь и сейчас”, вот почему многочисленные обещания, сыплющиеся с их уст, никогда не сдерживаются».²⁸

Другим качеством русских, очаровывавшим французских интеллектуалов, Легра и Горбова называют «широту души». Однако для Легра оборотная сторона этого качества — это отсутствие бережливости и стремления к сбережению, что приводит к повсеместному разбазариванию средств в стране. Такое качество, как расточительность, по мнению француза, свойственно лишь юному народу, молодым нациям и огромным странам. Проявление широты души русских французы видят в их равнодушии к общественным и моральным правилам и в снисходительности к ошибкам. «Великая русская жалость на самом деле не что иное, как одно из выражений широты души».²⁹

Итогом многочисленных работ Легра об особенностях русской души и характера стала книга «Русская душа» (1934).³⁰ В этом «психологическом продолжении»³¹ и дополнении книги «В русской стране» Легра, проведенный в России в целом 9 лет (из них более четырех — в период войны и революции), обобщает наблюдения, суждения и выводы по расшифровке и пониманию кода русской души, а порой и пересматривает как свои ранние впечатления, так и умозаключения других французских путешественников и исследователей, пытавшихся разгадать загадку русской души. В качестве обобщения автор предлагает таблицу основных свойств русского характера, оговариваясь, что при анализе русского менталитета он выделил четыре фундаментальные причины, формирующие те или иные характеристики и особенности национального самосознания: влияние географического положения, воздействие внешней (иностранной) культуры, низкий уровень культуры, молодость нации. Особняком стоят различные качества, прямую причину которых сложно выявить, поэтому Легра их расценивает как «не подлежащие классификации».³²

²⁸ Ibid. P. 242–245.

²⁹ Ibid. P. 249.

³⁰ Legras J. L'âme russe. Paris, 1934.

³¹ Pascal P. Nécrologie de Jules Legras // Revue des études slaves. 1939. T. 19, fasc. 1–2. P. 213.

³² Legras J. L'âme russe. P. 236.

Из-за географических и климатических особенностей страны, считает автор, русским свойственны: фатализм, мечтательность, апатия, пассивность, нечистоплотность, изобретательность, гордость, пьянство, наблюдательность.

Влияние западной культуры обуславливает в русском характере, по мнению Легра, философствование и отвлеченность, нехватку практического склада ума, тягу все усложнять, ориентацию на «сверхпервичность» (примаризм), тоску.

Низкий уровень культуры порождает у русских суеверие, смирение, покорность судьбе, жестокость, грубость, нечистоплотность, пьянство, стадный инстинкт, надменность, эгоизм и обидчивость, чувствительность, хитрость, коварство, воровство, великодушие. Работа выполняется русским человеком хорошо, если она ему нравится («по сердцу»), в противном случае он делает все «как-нибудь», «на авось», «тяп-ляп».

В силу молодости нации русских отличает веселость, радостное восприятие происходящего, любопытство, ложь, непостоянство усилий, жизнь настоящим днем (импульсивность), легкомыслие, общительность, индивидуализм, внезапная смена чувств, самолюбие, злоупотребление обещаниями.

Легра полагал, что нельзя свести к одной первопричине такие черты русских, как естественная элегантность, деликатность, привлекательность манер, гостеприимство, любовь к детям (материнское чувство), женственность, ловкость и сноровка, умственные способности и остроумие, музыкальность (исследователь считал, что у русских очень развит музыкальный слух), легкость общения на публике, любовь к дискуссиям, удовольствие от пассивных радостей жизни, гуманность, широта натуры, щедрость.

Книгу «Русская душа» общественность восприняла по-разному. Друг и ученик Легра, русофил Пьер Паскаль, призвание которого в свое время определила, в частности, книга «В русской стране», опубликовал в журнале «Монд слав» развернутую рецензию. Он отметил, что Легра, не только руководствуясь своими наблюдениями, но и анализируя работы предшественников, выявил основные недостатки русских; отличие же его состоит в том, что он, не прощая эти недостатки, способен их понять и найти для каждого компенсирующее достоинство. В качестве примера Паскаль приводит такое качество, как лживость, и вслед за Легра уточняет, что речь идет об официальной, государственной лживости, в личном же пла-

не русские чрезвычайно искренни, откровенны. Автор рецензии, сам выступивший в 1917 г. с докладом на тему «Русская душа глазами латинянина»,³³ уделяет большое внимание той части книги, где Легра говорит о чертах русского характера, проявившихся в революцию. По его мнению, автор, ища возможность классифицировать черты характера, упустил существенные особенности именно русской души, приведя их в недостаточном количестве. Причина этого заключалась в том, что он не увидел главный, объединяющий принцип, стоящий над всеми пятью причинами: «Собственно русская душа — это стремление к абсолюту».³⁴

Для эмигранта преподавателя Ю. Н. Маклакова и для журналиста, автора биографии Ж. Клемансо, Жоржа Суареса книга Легра стала поводом вернуть моду на рассуждения о существовании «русской души». Первый организовал серию тематических конференций в Парижском католическом институте, второй опубликовал большую статью в газете «Тан», где описал историю интереса французов к русским, ее связь с политикой и дипломатией, привел наблюдения различных путешественников, размышлявших над «загадкой русской души». «Чтобы описать русскую душу, — пояснял Суарес, — Легра использовал рациональный и научный метод. Он занимается психологией, как другие — математикой: добавляет, удаляет, вычитает, делит... А в заключении, чтобы исправить впечатление, которое читатель может получить от книги, он убеждает в своей симпатии к русским и вере в будущее русского народа».³⁵

Директор Славянской библиотеки, вдохновитель «Французского союза помощи русским» отец-иезуит Мари-Жозеф Руэ де Журнель в своем отзыве характеризует работу Легра как «книгу, которая почти не доставит удовольствия русским, несмотря на то что ее автор с первых строк утверждает, что он «находится под мощным воздействием русского шарма» и что свое исследование он проводил с симпатией».³⁶ Действительно, книгу Легра

³³ См.: Данилова О. С. «Цивилизация духа и души»: русские глазами французского славянофила. Протокол собрания во Французском институте от 27 октября 1917 // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 493–503; Паскаль П. Русский дневник // Отечественные записки. 2007. № 38 (5). С. 225–231.

³⁴ Pascal P. L'âme russe pendant la révolution (A propos d'un livre récent) // Le monde slave. 1935. T. 2. P. 70.

³⁵ Suarez G. L'âme russe // Le Temps. 1935. 16 fév. P. 5.

³⁶ Rouët de Journel M.-J. Compte rendu du livre de Legras «L'Âme russe» // Revue des livres et des bibliothèques. 1935. Juillet. P. 138.

в СССР восприняли в штыки. На страницах газеты «Известия» ее парижский корреспондент Илья Эренбург возмущался по поводу того, как мог французский ученый «обобщить душу русскую» времен царской империи и СССР. «Ввиду того, что профессору приходится говорить о “русской душе” в 1934 г., а его личные наблюдения не идут дальше 1917 г.,³⁷ он находит нужным отметить: “Характер русского народа не меняется от советского эксперимента... Нас обманывают, утверждая, что современная Россия морально изменилась. На самом деле она представляет те же душевные реакции, что и прежде”. Разбирая отдельные свойства “русской души”, профессор не забывает всякий раз отметить, что это относится также к СССР. Говоря о том, что русской душе свойственно взяточничество, профессор восклицает: “Они не перестали быть взяточниками и при большевистском режиме”, а упоминая о том, что русская душа отличается лживостью, он сокрушенно сообщает: “В СССР лгут еще больше, нежели лгали в прежней России”. Только в одном случае почтенный ученый проявляет некоторую нерешительность: восторгаясь “приятным вкусом” царской водки, он скромно добавляет: “Я не знаю качества той водки, которую пьют после революции”. Да, только этого и не знает профессор! Все остальные перемены настолько ничтожны, что о них не стоит и говорить».³⁸

Эмигрантские же издания отмечали, что в своей книге Легра «с большой любовью судил об особенностях русского характера».³⁹ Литературный критик, переводчик Георгий Адамович также дал ей высокую оценку: книга «очень обстоятельная, очень беспристрастная и вдумчи-

вая... Невозможно представить себе что-либо более планомерное... Строгий, даже чуть суховатый и скупой на лирику исследователь Легра продолжил традиции предшественников, когда их свидетельства о России, которые сравниваются с показаниями на суде, были в основном в пользу обвинения русских, но в то же время в них сквозила возможность смягчающих обстоятельств, которые примиряют самих русских с упреками и иронией в их адрес».⁴⁰ Для Адамовича, как и для Легра, таким «обстоятельством» выступает «гуманность»: «...это чувство братства — одно из самых своеобразных и глубоких среди всех, которые свойственны русскому сердцу. Оно, бесспорно, принадлежит к нравственному богатству населения. От него на этот сероватый, невежественный, несчастный народ ложится отблеск христианской поэзии, которую не сотрут никакие большевики в мире. Оно обособляет русский народ от народов нашей Западной Европы, оно ставит его высоко над ними, если держаться одной только моральной точки зрения!».⁴¹ Легра утверждает, что принять можно все: приблизительность в суждениях и действиях, заносчивость, вороватость, лживость, ветреность, пьянство, грязь, грубость, так поразившие его, — с одним только условием, что есть эта самая «поэзия».

Можно не соглашаться с некоторыми умозаключениями Легра, можно оспаривать правильность ряда его замечаний и выводов, но уже саму возможность спорить и обсуждать его труды о России и русских следует расценивать как неоспоримый вклад в европейскую русистику, сравнительное литературоведение и в формирование образа России в общественном сознании Франции первой трети XX в.

Olga S. Danilova

Candidate of Historical Sciences, associate researcher of laboratory «Identités-Cultures-Territoires», University Paris Diderot (France, Paris)
E-mail: cerhlaf@gmail.com

JULES LEGRAS: THE RUSSIAN SOUL GENOM

The article presents an analysis of the main works by the French Russia scholar Jules Legras on Russia and the Russians (mostly about two estates — the bourgeoisie and the peasants which, according to him represented the future of the country) and the public response to these works, as

³⁷ На самом деле Легра, служивший во французской военной миссии в Сибири, покинул Россию в составе союзнических войск в начале 1920 г.

³⁸ Эренбург И. Русская душа // Известия. 1934. 28 окт. № 253 (3501). С. 5.

³⁹ Жюль Легра. Некролог // Возрождение. 1939. 19 мая. № 4184. С. 9.

⁴⁰ Адамович Г. В. Jules Legras. «L'âme russe» // Современные записки: общественно-политический и литературный журнал. 1935. Т. 57. С. 468.

⁴¹ Цит. по: Там же. С. 468, 469.

well as his book “Russian Soul” (1934), which was a kind of summing up of his previous observations. In his book the author listed main qualities and specific features of the Russian character and named five fundamental reasons which in his opinion contributed to their development (geographic position, influence of foreign culture, low level of culture, youth of the people and youth of nation). He set aside certain qualities the direct origins of which were hard to identify.

J. Legras based his research on ethnographic, psychological, linguistic, cultural and historical approaches. His view of the Russian life was objective, his reasoning and conclusions quite balanced, therefore his model of perception of Russia which influenced the ideas of Russia in the early 20th century France, and the Russian images which shaped the historical memory of the French people are still interesting for the researchers.

Key words: «*image of other*», *russian soul, imagology, historical memory, mores, national character, Russian people, France, Russia, Legras*

REFERENCES

- Adamovich G. V. *Sovremennye zapiski: obshchestvenno-politicheskiy i literaturnyy zhurnal* [Today's notes: socio-political and literary magazine]. 1935, Vol. 57, pp. 468–470. (in Russ.).
- Berkov P. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], 1939, Vol. 33–34, pp. 721–768. (in Russ.).
- Danilova O. S. *Frantsuzy v nauchnoy i intellektualnoy zhizni Rossii XIX veka* [The French scientific and intellectual life of Russia in the XIX century]. Moscow: Institut vseobshchey istorii RAN Publ., 2013, pp. 26–49. (in Russ.).
- Danilova O. S. *Rossiya i Frantsiya. XVIII–XX veka* [Russia and France. XVIII–XX centuries]. Moscow: Ves Mir Publ., 2014, Issue 11, pp. 72–93. (in Russ.).
- Danilova O. S. *Slavyanskiy almanakh* [Slavic almanac]. Moscow: Indrik Publ., 2003, pp. 493–503. (in Russ.).
- Erenburg I. *Izvestiya* (Izvestia), 1934, October 28, № 253 (3501), pp. 5–6. (in Russ.).
- Kladova V. P. *Barnaul* (Barnaul), 1999, № 3–4, p. 165. (in Russ.).
- Kruptseva O. V. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk regional museum]. Tomsk: TomGU Publ., 2000, Vol. 10, pp. 7–9. (in Russ.).
- Legra Zh. *Amur: literaturnyy almanakh BGPU* [Amur: literary almanac BGPU]. Blagoveshchensk: BGPU Publ., 2013, № 12, pp. 85–91. (in Russ.).
- Legra Zh. *Otechestvennye zapiski* (Annals of the Fatherland), 2007, № 5 (37), pp. 191–196. (in Russ.).
- Legras J. *L'âme russe* [The Russian soul]. Paris: Ernest Flammarion, 1934, 284 p. (in French.).
- Legras J. *Le monde slave* [The Slavic world]. 1925, August, № 8, pp. 225–253. (in French.).
- Milchina V. A. *Otechestvennye zapiski* (Annals of the Fatherland), 2007, № 5 (37), pp. 29–39. (in Russ.).
- Milyukov P. N. *Vospominaniya* [Memoirs], Moscow: Politizdat Publ., 1991, 528 p. (in Russ.).
- Pascal P. *Le monde slave* [The Slavic world]. 1935, Vol. 2, pp. 62–72. (in French.).
- Pascal P. *Revue des études slaves* [Journal of Slavic Studies]. 1939, Vol. 19, p. 213. (in French.).
- Paskal P. *Otechestvennye zapiski* (Annals of the Fatherland), 2007, № 38 (5), pp. 225–231. (in Russ.).
- Repina L. P. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], Moscow: IVI RAN Publ. 2012, Issue 39, pp. 9–10. (in Russ.).
- Rouët de Journal M.-J. *Revue des livres et des bibliothèques* [Review of books and libraries]. 1935, July, pp. 138–139. (in French.).
- Ryss P. *Vozrozhdenie* [Revival], 1930, Vol. 5, № 1806 (May 13), p. 2. (in Russ.).
- Saveleva N. *Istina i Zhizn: ezheemesyachnyy khristianskiy zhurnal* [Truth and the Life: a monthly Christian magazine], 2000, № 8, pp. 31–35. (in Russ.).
- Suarez G. *Le Temps* [The Time]. 1935, 16 February, p. 5. (in French.).
- Zhyul Legra. *Nekrolog* [Jules Legras. Obituary]. *Vozrozhdenie* [Revival], 1939, May 19, № 4184, p. 9. (in Russ.).